

Б.И. Дунаев

**Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в
XVI веке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Б11

Б11 **Б.И. Дунаев**
Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке / Б.И. Дунаев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 94 с.

ISBN 978-5-458-55960-7

ISBN 978-5-458-55960-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

якоже лѣпо, ниже тѣхъ хваляше, но безъ страха обличаше прегрѣшеніа ихъ и глаголаше часто: „аще бы мы жительствоваши достойно Евангелію Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языки обратилися бы ко Господу, зряще наше равноапгелъно житіе, и было убо бы намъ се во спасеніе велико и наслаженіе вѣчныхъ благъ, вынѣ же супрогивно евангелъскихъ заповѣдей живуще, и ниже себе исправляемъ, ниже иныхъ ко благочестію руководити печемся; что ино слышати чаемъ отъ праведнаго Судіи развѣ сего¹⁾: „Горе вамъ, книжники и фарисеи лицемѣри, яко затворяете царство небесное предъ челоуѣки, сами не входите, и хотящая внити возбраняете имъ“

Ся глаголю не обинуяся и еще иже жесточайшими сихъ словеса зазирая удивляемому у нихъ папѣ и сущимъ о немъ кардиналемъ и прочему причту ихъ, большія ненависти и вражды вину далъ на себе возненавидѣвшимъ изначала священныхъ его учений, еретика бо его и хульника и лестяца нарицаху. аки отверзша уста своя на священнаго ихъ папу и всея церкви римскіа. Дойде же и до Рима сицевый о немъ слухъ и папу и сущаго о немъ причта зѣло смутилъ, яко и соборную ихъ заповѣдь послати ему, заповѣдующи ему не учити люди Господня, уподобившися глаголющимъ въ дѣяніи св. апостолъ: „Но да не на множае распрострется въ людехъ, прещенемъ запретимъ имъ не глаголати къ тому о имени семъ ни единому отъ челоуѣкъ“.

Такова убо совѣтоваша они и тако ему заповѣдаша, приложивше въ соборномъ ихъ писаніи, яко аще не престаеъ прочее, и проклять будетъ отъ нихъ, яко еретикъ; онъ же не точію не послушалъ беззаконныхъ совѣтъ сицевый, но наипаче разжжеся божественною ревностію и соборное ихъ посланіе неправедно и Богу негодно обличаше, аки не повелѣвающе ему не учити во церкви вѣрныхъ. И сего ради множае пребываше обличая ихъ беззакона, уже бо, якоже лѣпо есть мыслити мнѣ, судивъ себѣ и умрети за благочестіе и Божию славу, аще потребно будетъ. Въ нихъ же бо аще возгорится огонь ревности, яже по Бозѣ, не точію имѣній стяжалій, но и самое житіе презрѣти творить. И свидѣтель неложень самъ Господь, глаголю: ²⁾ „Желаніемъ возжелѣхъ сію Пасху ясти съ вами“, сіе же глагола, елма хотяше вкусити, яко челоуѣкъ, смерти за славу Бога и Отца своего за челоуѣческое спасеніе. И самъ Христовъ теплѣйшій рачитель и ревнитель Павелъ, глаголю: ³⁾ „Желаю разрѣшиться и со Христомъ быти“; и паки ⁴⁾: „Мнѣ же еже жити Христосъ есть и еже умрети приобрѣтеніе“.

Елма же иже о папѣ не престаху претяще ему и всякимъ образомъ отрѣзающе учительнаго сѣдалища, такожде и онъ пребываше, не послушая ихъ и неправдованія ихъ обличая, смерти его предати совѣщаша, еже и сотвориша тѣмъ образомъ: избравше нѣкоего генерала, именовемъ Іакимъ⁵⁾, зѣльнаго по ихъ совѣту, послаша и вооруживше его областію папиную низложити его отъ власти игуменскіа и, испытавшу его, смертію осудить, яже огнемъ, аки непокорива и досадителя и клеветника апостольскіа римскіа церкви. Пришедъ же онъ во градъ Флоренскій и показавъ большимъ града начальникомъ грамоты папины, поставилъ его на судилище и мучительски испыташе его и оному

¹⁾ Матѳ. 23, 13.

²⁾ Лук. 22, 15.

³⁾ Фил. 1, 23.

⁴⁾ Фил. 1, 21.

⁵⁾ Интересная подробность, свидѣтельствующая о томъ, что Максимъ находился во Флоренци до самаго конца, такъ какъ онъ передаетъ такія подробности суда.

со дерзновенемъ отвѣчающу противу всѣхъ лукавствъ несправедливаго испытателя и суди не могущу обвинити его,—свидѣтели лживи отъ части беззаконныхъ и непокоршія ученіемъ его восташа на оного преподобнаго и пеповиннаго казателя града ихъ, носяща нань тяжчайша ихъ и несправедныхъ оглаголаній, имъ же повинушеся несправедніи они суди, сугубою казнію осудиша его и ины два священныя мужи, споспѣшники его, на древѣ повѣсивше, таже огнь возгнѣтивше подъ нимъ, сожгоша ихъ.

Таковъ конецъ житію преподобныхъ онѣхъ трехъ инокъ и таково имъ возмездіе о подвижѣ, яже за благочестіе отъ неспредобнѣйшаго ихъ папы Александра,—тогда бѣ Александръ, иже отъ Испаніи, иже всякимъ несправданіемъ и злобою превзыде всякого законопреступника.

Азъ же толико совѣтенъ бывати несправеднымъ онѣмъ судіамъ отстою, яко и приклядовалъ бы убо ихъ съ радостію древнимъ защитителемъ благочестію, аще не быша латыня вѣроу, ту же бо ревность древнимъ теплѣйшу за славу Спаса Христа и за спасеніе и исправленіе вѣрныхъ позналъ есмь въ преподобнѣхъ онѣхъ иноцѣхъ,—*не отъ иного слышалъ, но самъ ихъ видѣлъ и отъ поученіихъ ихъ многажды прилучився*,—не точию же ту же древнимъ ревность за благочестіе познахъ въ нихъ, но еще и ту же имъ премудрость и разумъ и искусство богодохновенныхъ писаній и вѣшпихъ познахъ въ нихъ и множайше инѣхъ во Іеронимѣ, иже на два часа, есть когда и больши стоя на сѣдалище учительномъ видяшеся, изливая имъ струя учительна преобильно, не книгу держа и пріемля отгуду свидѣтельства показательна своихъ словесъ, но отъ сокровища великіа его памяти, въ ней же сокровенъ былъ всякъ богумудренъ разумъ искусства святыхъ писаній“.

Читал эти проникновенныя слова, посвященныя Савонаролѣ изъ далекой Россіи, невольню чувствуешь, что они продиктованы неподдѣльной искренностью, любовью и безграничнымъ преклоненіемъ передъ свѣтлой личностью великаго учителя.

Поэтому эти строки должны служить исходнымъ пунктомъ для всякаго изслѣдователя дѣятельности Максима. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Максимъ подпалъ вліянію знаменитаго флорентійскаго вѣрока и почему это вліяніе было такимъ сильнымъ.

Чтобы отвѣтить на это, мы должны окинуть бѣглымъ взглядомъ біографію Максима. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ чрезвычайно мало достовѣрныхъ свѣдѣній о его жизни до пріѣзда въ Россію. Мы имѣемъ: 1) три краткихъ извѣстіи о Максимѣ Грекѣ. 2) три подробныхъ сказанія о немъ 3) Двѣ надписи у гроба Пр. Максима Грека и житіе его, составленное Моховиковымъ. Вотъ какія свѣдѣнія почерпаемъ мы изъ житія: въ немъ разсказывается, что Максимъ съ малыхъ лѣтъ любилъ ходить въ церковь, становился съ пѣвцами „и малымъ своимъ младенческимъ разумомъ и гласомъ пояше и канопархизаше и вси людие, зряше на него и удивляетася, что се будетъ“. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, онъ сталъ просить родителей своихъ отдать его „святому Писанію изучитися“. Родители сперва отговаривали его, совѣтовали помедлить, но потомъ, уступая просьбамъ отрока Макарія (такъ звали въ міру Максима), отдали „нѣкоему философу именемъ Фарзису во Фрисской землѣ, во градѣ Паризи“. Здѣсь онъ пробылъ 11 мѣсяцевъ и, изучивъ всю „фарисію“, отправленъ былъ философомъ Фарсисомъ во Флоренцію къ мудрѣйшему брату своему философу Гаврасу. Въ 9 мѣсяцевъ изучилъ Макарій всю науку и у этого философа и отправился домой къ родителямъ, съ которыми прожилъ 15 мѣсяцевъ. Родители его померли, а Макарій, продавъ все

имущество и раздавъ нищимъ, а рабовъ отпустивъ, отправляется „до града Итали, и ту бо изучися многимъ философїямъ и премудрости и во иныхъ градѣхъ многихъ преходя“¹⁾).

Хотя разсказъ этотъ и крайне фантастиченъ и уснащенъ невѣроятными подробностями, тѣмъ не менѣе узоръ вышитъ по исторически вѣрной канвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Максимъ долженъ былъ получить строго религіозное воспитаніе. Задыхаясь подъ тяжестью турецкаго деспотизма, греки, естественно, должны были искать утѣшенія въ религіи. Но эта пламенная и наивная вѣра, которой Максимъ былъ обязанъ обстановкѣ своего дѣтства, должна была вскорѣ подвергнуться тяжелому испытанію, къ которому Максимъ оказался совершенно неподготовленнымъ. Это обстоятельство, какъ и многое другое, заставляетъ думать, что Максимъ весьма юнымъ прибылъ въ Италию, въ поискахъ за образованіемъ. Здѣсь его ждала совершенно противоположная дѣйствительность. Въ то время въ Италиі казалось, что даже самый воздухъ былъ отравленъ тонкимъ ядомъ сводомыслия и скептицизма. Я приведу характерный отзывъ одного изъ современниковъ о тогдашней Италиі—итальянца Беневіени: „Несправедливость и грѣхъ размножились въ Италиі, говоритъ онъ, потому что страпа эта потеряла христіанскую вѣру. Обыкновенно думаютъ, что все на свѣтѣ, а въ особенности человѣческія дѣйствія, не имѣютъ другой причины, кромѣ слѣпотаго случая. Иные думаютъ, что все управляется движеніемъ небесныхъ тѣлъ. Отрицаютъ будущую жизнь, издѣваются надъ религіей. Мудрецы міра сего считаютъ вѣру предметомъ очень обыкновеннымъ, годнымъ только развѣ для женщинъ и глупцовъ. Нѣкоторые же видятъ въ ней лишь призракъ человѣческаго воображенія. . . . Вся Италиа, а особенно Флоренція, преданы безбожію. . . . Даже женщины отвергаютъ вѣру Христову; всѣ и мужчины и женщины вернулись къ обычаямъ языческимъ, занимаются изученіемъ языческихъ писателей, астрологіею и всякимъ невѣріемъ“²⁾).

Все это должно было породить въ душѣ юнаго Максима страшный разладъ. Готовый на муки за вѣру, онъ въ то же время чувствовалъ себя бессильнымъ въ борьбѣ съ проникающимъ въ его существо ядомъ невѣрія и скептицизма. Онъ чувствовалъ, что та почва, на которой онъ стоялъ,—почва вѣры, уходитъ изъ подъ его ногъ. Зная отъ природы мистически настроенную натуру Максима, мы легко поймемъ, какія душевныя страданія испытывалъ Максимъ. Память объ этомъ страшномъ для него времени навсегда осталась у него: „Свидѣтель азъ сихъ всѣхъ достоинствъ, не яко слышатель и самовидѣцъ токмо онѣхъ во Италиі и въ Ломбардіи, но и сообщительнѣи когда бывъ имъ. И аще не бы, иже о всѣхъ спасеніи некійся, Богъ, помиловавъ мя, скорѣе посвятилъ благодатию своею и свѣтомъ своимъ озарилъ мысль мою,—издавна убо и азъ погиблъ бы съ сущими тамо нечестія предстатели“. Вотъ почему мы видимъ Максима подлѣ Савонаролы; вотъ откуда это страстное преклоненіе у него передъ личностію Girolamo, у котораго въ то время вѣдь не одинъ Максимъ искалъ и находилъ утѣшеніе. Кто другой тогда въ Италиі, какъ не Савонарола, могъ вернуть его къ жизни,—вернуть ему его прежнюю пламенную вѣру? Только послѣ сказаннаго, передъ нами начнетъ вырисовываться истинный обликъ Максима, его страстная, мятущаяся душа и горячее, пламенѣющее сердце. И намъ станетъ болѣе понятенъ тотъ мученическій путь, который избралъ себѣ въ жизни Максимъ.

¹⁾ С. Бѣлокуровъ: Биб. Моск. Государей въ XVI ст., 220 стр.

²⁾ Беневіени—поэтъ 1453—1542.

По приѣздѣ Максима въ Москву, начало его дѣятельности было, какъ извѣстно, вполне благопріятнымъ для него. Но мало-по-малу обстоятельства круто измѣнились. Политическая проповѣдь и дѣятельность Максима не могли не обратить на себя вниманія тогдашняго Московскаго правительства, проводившаго узкую реальную политику, чуждую всякихъ увлеченій въ видѣ помощи угнетеннымъ единовѣрнымъ народамъ. Максимъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, а потомъ на него воздвигли уже и открытое гоненіе. Любопытно отмѣтить, что Московское правительство, чтобы удобнѣе и легче уничтожить опаснаго для него человѣка, пустило въ ходъ тотъ же самый приѣмъ, какой въ свое время былъ пущенъ въ ходъ папой Александромъ по отношенію къ ненавистному ему Савонаролѣ,—Максима обвинили въ ереси. Это обвиненіе распалось на два періода. Сперва оно стало витать вокругъ имени Максима въ разговорахъ тогдашняго общества, а впоследствии, какъ извѣстно, вылилось въ конкретную форму соборнаго осужденія. Максимъ Грекъ, прекрасно понимая, къ чему вело подобное обвиненіе, разумеется, не могъ оставить его безъ отвѣта. Но въ первое время, боясь повредить дѣлу излишней прямоотой, онъ долженъ былъ дѣйствовать косвеннымъ путемъ. Для этого онъ весьма остроумно вступилъ въ борьбу съ различными ересями. Такъ, въ это время онъ писалъ: противъ еллиновъ, астрологовъ, магометанъ, евреевъ и т. д., косвенно доказывая тѣмъ свое православіе. Но когда первая попытка окончилась неудачей, онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, выступилъ съ своимъ знаменитымъ „Исповѣданіемъ вѣры“. Такой образъ защиты Максима отъ возведенныхъ на него обвиненій, вызываетъ невольно на дальнѣйшія сопоставленія его „житія“ съ извѣстными фактами біографіи Савонаролы, такъ какъ всякій новый фактъ, уводящій насъ отъ обычно-трафаретнаго взгляда на личность и дѣятельность Максима на Руси, дастъ возможность скорѣе достичь истины.

Для этого мы перенесемся во Флоренцію къ 1497 году. Какъ разъ въ это время Girolamo довелъ до крайнихъ предѣловъ свои страстные обвиненія противъ папы: „Что же ты, Господи? страстно зывалъ онъ, что же ты медлишь? Рази, рази. Освободи твою церковь отъ этихъ демоновъ, отъ этихъ тирановъ, отъ этихъ развратныхъ прелатовъ“. Это было уже слишкомъ. 12-го Мая 1497 года, почти за годъ до казни пророка, Александръ VI подписалъ буллу объ отлученіи Савонаролы, который назывался въ ней *excommunicatus et de haeresi suspectus*. Савонарола такъ отвѣтилъ на это. „Dopo la pubblicazione del breve, il Savonarola ritirato nella solitudine della sua cella profittava di quel silenzio per darsi „con attività veramente incredibile“ alla pubblicazione di nuovi trattati, primo fra tutti „il Trionfo“. Такъ было создано это замѣчательное сочиненіе. Несмотря на все сказанное, Савонарола все-таки счелъ нужнымъ написать небольшое оправдательное письмо, въ которомъ указывалъ папѣ на своихъ безчисленныхъ слушателей, на проповѣди, печатно извѣстныя всему міру, наконецъ, на свое послѣднее произведеніе—„Торжество Креста“, содержащее полное выраженіе его религиозныхъ убѣжденій. Это послѣднее произведеніе должно обратить на себя наше вниманіе и мы постараемся познакомиться съ этимъ знаменитымъ трудомъ fra Girolamo. Бросимъ хотя бы только бѣглый взглядъ на его содержаніе¹⁾.

1497 годъ.

„Fratris Hieronymi Ferrariensis ord. praed. De veritate Fidei in Dominicae Crucis Triumphum“.

¹⁾ Авторъ этому вопросу посвящаетъ другую работу.

		prooemium.
исповѣданіе вѣры	{	lib. I.
		lib. II
		lib. III.
		lib. IV
		prooemium.

- 1) Nullam religionem, praeter Christianam, veram esse.
- 2) Religiones a philosophis traditas, defectuum et errorum plenas fuisse.
- 3) Traditiones astrologorum penitus inutiles ac superstitiosas esse.
- 4) Idolatrarum sectam omnium vanissimam esse.
- 5) Iudaicae perfidiae, superstitionisque confutatio.
- 6) Haereticorum omne dogma falsum ac perversum esse.
- 7) Mahumetanorum sectam omni ratione carere.
- 8) Christianam religionem omnino veram et stabilem esse.

totius operis epilogus.

Въ трудѣ этомъ, такимъ образомъ, Савонарола и прямо — „Исповѣданіемъ вѣры“ и косвенно „обличеніемъ ересей“ доказывалъ чистоту и правильность своей вѣры.

Кромѣ „Исповѣданія вѣры“, Савонарола писалъ здѣсь противъ заблужденій философовъ, астрологовъ, идолопоклонниковъ, евреевъ, вообще противъ еретиковъ и противъ магометанъ, т. е. противъ почти всѣхъ тѣхъ, противъ кого писалъ и кого обличалъ Максимъ Грекъ на Руси, защищая чистоту своей вѣры.

Такое совпаденіе этихъ фактовъ едва ли случайно. Не здѣсь ли объясненіе обличенія той, напимѣръ, „еллинской прелести“, которое звучало такъ неестественно въ устахъ Максима на фонѣ современной русской дѣйствительности? Мы, конечно, далеки при этомъ отъ какихъ-либо особыхъ выводовъ, мы просто не считали возможнымъ пройти мимо замѣченныхъ нами фактовъ. Для насъ они важны, какъ новое лишнее доказательство всегдашней близости флорентійскаго пророка по духу къ нашему Максиму Греку, — важны для того, наконецъ, чтобы твердо уяснить себѣ тотъ фактъ, что въ лицѣ Максима Грека мы имѣемъ дѣятеля сложной душевной организаци — западника, хотя, можетъ быть, и очень своеобразнаго. Во всякомъ случаѣ та мѣрка, съ которой обычно подходятъ къ личности Максима, должна быть теперь оставлена, такъ какъ иначе мы никогда не постигнемъ ни истиннаго облика Максима, ни его дѣятельности у насъ на Руси въ XVI-мъ вѣкѣ. Находясь въ далекой Россіи, Максимъ все такъ же близокъ духовно, какъ мы видѣли, къ Савонаролѣ, великій духъ котораго жилъ въ Максимѣ, а стало быть и вообще къ Западу, какъ и раньше, чему, какъ было отмѣчено, начинаютъ находиться новыя фактическія доказательства. Онъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ, очевидно, остается самимъ собой. Особенно это сказывается въ его дѣятельности, какъ патриота и носителя греческой идеи, въ чемъ ему помогали и другіе, бывшіе у насъ, греки, какъ это обнаружится изъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

„Сношенія православнаго Востока съ русскими, какъ извѣстно, не прекращались и въ монгольскій періодъ нашей исторіи; то же самое желаніе получить побольше милостыни отъ благочестиваго народа русскаго, которое такъ много собирало грековъ въ Москву въ XVII в., заставляло послѣднихъ предпринимать путешествія въ нее и ранѣе, въ XIV—XVI вв. Болѣе частыя сношенія Москвы происходили съ св. Афонской горой, откуда къ намъ прибылъ и преп. Максимъ Грекъ“¹⁾.

¹⁾ С. Бѣлокуровъ: „О библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI ст.“ 194 стр.

Такъ въ августѣ 1496 г. (7004 г.) въ Москвѣ были „игумень да три старца изъ Святыхъ горы, изъ монастыря св. Пантелеймона, милостыни ради. И князь великій ихъ пожаловалъ, милостынею изволилъ, а на иные монастыри Св. горы милостыню съ ними же послалъ и отпустилъ ихъ съ тѣмъ же посломъ вмѣстѣ [Волошскимъ]; поспеже бо изъ старши тотъ монастырь св. Пантелеймона въ Св. горѣ строеніе бѣваше первыхъ князей русскихъ“¹⁾. Въ ноябрѣ 1507 г. (7015 г.) изъ того же Пантелеймонова монастыря приходили старцы „милостыни ради, діаконъ Пахоміе да монахъ Яковъ; и князь великій Василей Ивановичъ учредивъ ихъ милостынею довольно и отпусти ихъ съ Москвы мѣсяца мала 9-го“²⁾. Въ январѣ 1509 г.—іюнѣ оттуда же старцы были на Москвѣ: Василей, Симеонъ, да Яковъ³⁾. Въ концѣ 1514 г. и началѣ 1515 г. въ Москвѣ были, лавры св. Афанасія старецъ Мелекій да изъ Ватопеда старецъ Нилонъ духовникъ съ грамотами“⁴⁾. Въ томъ же 1515 г. въ мартѣ мѣсяцѣ эти старцы побѣхали съ Москвы вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ, бывшимъ у насъ, и нашимъ посломъ къ Султану В. А. Коробовымъ; „а въ св. гору Аѳонскую князь великій послалъ съ милостынею Василія Копыла Спячего да Ивана Варавина“⁵⁾. Съ Копыломъ и Варавинымъ, кромѣ грамоты, въ которой писалось о посылкѣ милостыни на Аѳонъ и испрашивались молитвы⁶⁾, была послана особая грамота къ аѳонскому протату, въ которой князь великій просилъ прислать изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву—„переводчика книжново на время“⁷⁾. Коробовъ былъ отправленъ въ Царь-градъ къ Султану въ цѣляхъ чисто политическихъ: для переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ о торговыхъ сношеніяхъ, дѣлахъ крымскихъ и общемъ союзѣ на крымцевъ. Онъ возвратился въ Москву въ мартѣ 1516 г. (7024 г.). Но Копыла и Варавина съ нимъ не было. Они вернулись въ Россію только черезъ три года послѣ своего отъѣзда изъ нея и черезъ два года по пріѣздѣ въ нее Коробова: „Василія Копыль изъ Царя-Города пошелъ въ святую гору Аѳонскую отъ великаго князя Василія Ивановича всеа Руси съ милостынею, а Варавинъ остался въ Царьградѣ великаго князя для потребъ“⁸⁾. Такимъ образомъ пребываніе Копыла и Варавина за рубежомъ сильно затянулось. Притомъ и дѣло по вызову „переводчика книжново“ плохо налаживалось. Игумень Ватопедской обители Анеимъ, извѣщая въ грамотѣ⁹⁾ къ митрополиту Варлааму о приходѣ къ нимъ Василія Копыла и о полученіи милостыни, писалъ, что Копыль „также вѣзвѣсти намъ о святѣмъ и духовномъ отцѣ господинѣ Савѣ, аще восхоцеть потрудитися до Руси, нѣкихъ ради вещей нужныхъ той земли; старецъ же бывъ многолѣтенъ, ногами немощенъ, не возможе исполнити повелѣнія благовѣрнѣйшаго великаго князя и твоего великаго святительства, о немъ же и прощенія просимъ“. Въ грамотѣ къ великому князю тотъ

1) П. Собр. Р. Л., т. VIII. 233 стр.

2) П. Собр. Р. Л., т. VIII. 247 стр.

3) Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 5 и 12.

4) Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

5) П. Собр. Р. Л. т. VIII, стр. 259, т. VI стр. 257. Никоновская Л. ч. VI стр. 203. Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

6) Отъ 15 марта 7023 г. См. Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

7) Списокъ съ грамоты Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 19 об. напечат. въ Временникѣ О. И. и Др. Р. кн V, отд. 3, стр. 30—31, переп. у Лихачева „Библиот. и Арх. Московскихъ Государей въ XVI ст.“

8) П. Собр. Р. Л. т. VIII стр. 259, т. VII стр. 257, Никоновская Л. т. VI стр. 205.

9) Акты собр. Арх. Ком. т. I № 122 стр. 175—176.

же Апѳимъ писалъ¹⁾: „въспроси и честнѣйшаго духовника и священноинокѣ Савву по наказанію царства твоего и по приказу всесвященнѣйшаго митрополита господина Варлаама; не могущу жь убо духовнику священноинокѣ господине Саве старостию и болѣзми ножины приити къ царствію твоему“. — „Преподобнѣйшій же отецъ нашъ протѣ, яко да не останется прошение Великаго Князя бездѣлно и безконечно, избрать вмѣсто старца Саввы, честнѣйшаго брата нашего Максима, еже изъ нашего священныя обители Витолицы, аки искусна божественному писанію и пригожа на сказаніе всякихъ книгъ: и церковныхъ и глаголемыхъ еллинскихъ, понеже отъ младыя юности въ сихъ възрасте и спмъ наказася добродѣтельнѣ, и не яко пѣвкій, — многими почитанны токмо. Посылаемъ же того нашимъ произволеніемъ и хотѣниемъ [но убо языка не вѣсть русскаго, развѣ греческаго и латынскаго; надѣемъ же ся, яко и русскому языку борзо навыкшегъ], — его же да примете; съ нимъ и честнѣйшаго священноинокѣ господина Неофита духовника. и третьяго брата Лаврентія вмянемъ. Мы же убо, имъ же взмогохомъ и иже имѣхомъ, честнѣйше челомъ бѣемъ благовѣрнѣйшему Великому Князю и величеству святителства твоего. Дай же Господь Богъ, яко да и мы узримъ воздаяше, которое желаемъ видѣти отголѣва. еже естъ яко, да отошлете пакы къ намъ здоровыхъ братію нашу, ими же надѣемся улучити благодареніе отъ Великаго Князя твоимъ съдѣтелствомъ и поспѣшемъ, еже имуть и усты принести братіа наша великому ти святителству, ему же пакы множае челомъ бѣемъ“²⁾.

Нужно сознаться, однако, что о вызовѣ Максима въ Россию мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Такъ, на основаніи самаго тщательнаго изученія тогдашней дипломатической переписки мнѣ удалось прибавить ко всему уже сказанному только нѣсколько отрывочныхъ извѣстій: „лѣта 7025 (1517) маіа 30-го. Пріѣхалъ къ Великому Князю изъ Крыма козакъ его Темешъ Кадышевъ съ Товарищи, а съ Темешомъ вмѣстѣ пріѣхалъ отъ Ахмата отъ царевича человекъ его Качимъ. А привезъ Темешъ къ Великому Князю отъ Василья отъ Шадрина да отъ Ильи отъ Челищсва грамоту, а сказалъ Темешъ Великому Князю, что отъ Мегмедъ-Гирѣя Царя ѣдетъ къ нему Кудояръ мурза Ивачевъ“. Въ привезенной грамотѣ естъ извѣстие о Копылѣ и Варавинѣ: „и здѣся, Государь, Божьимъ милосердіемъ да твоимъ Государскимъ здоровьемъ Копылъ и Варавинъ вышеть въ Каюу поздорову и съ товарищи. И Копылъ прислалъ къ намъ, Государь, Булгакомъ зовуть Окинеовъ володимерець, а съ ними былъ, Государь, дякъ въ твоемъ приказѣ. И поѣхалъ, Государь, тогъ Булгакъ къ тебѣ, къ Государю, съ Кудояромъ княземъ и съ твоимъ казакомъ съ Темишемъ съ Кадышевымъ, а сказываютъ, Государь, вѣсти заморскія, что послалъ Салимъ-бекъ Сипанъ-пашу, и Кизылъ-балевы воеводы Сипанъ-пашу побили на своемъ рубежѣ. И какъ услышалъ, Государь, Салимъ-бекъ, что восводъ его побили, и Салимъ-бекъ, Государь, самъ пошелъ противъ Кизылбаша. И сказываютъ, Государь, что Салимъ-бекъ стойтъ со всюю своею силою на своемъ рубежѣ, а съ мисюрскимъ, Государь, Салимъ-бекъ воюется жь. И стояла, Государь, застава мисюрскаго въ холяпи, и пришла, Государь, застава Салимъ-бекова, и дѣло межъ ихъ, Государь, съ собою было. И мисюрскаго, Государь, застава Салимъ-бековыхъ людей побили, а съ угорскимъ, Государь, Салимъ-бекъ перемирѣе взылъ на два года“³⁾. Въ другой грамотѣ, присланной тѣми же лицами, сказано: «Да здѣсе, Государь, Божьимъ милосердіемъ да твоимъ

¹⁾ Арх. М. И. Д. Греческій статейный списокъ № 1 л. 3.

²⁾ Арх. М. И. Д. Греческій статейный списокъ № 1 л. 3.

³⁾ Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 5 л. 548.

Государскимъ здоровьемъ Копыль и Варавинъ въ Каю вышли поздорову совсѣмъ, а съ нимъ, Государь, вышелъ митрополитъ, да и иные съ нимъ черныци, а дошолъ. Государь, не вѣдаемъ, скол(ь)ко съ нимъ черицовъ¹⁾. Изъ двухъ другихъ мѣсть можно опредѣлить время пребыванія Копыла на Аѳонѣ. Здѣсь, оказывается, онъ пребылъ около полгода. Такъ, въ грамотѣ Ивана Мамонова, присланной изъ Крыма уже послѣ его смерти, говорится: „Да здѣсь, Государь, прислалъ ко мнѣ изъ Царя-Города Варавинъ грамоту, а въ ней тол(ь)ко и писано: здѣсь намъ житьи нужно. А тамгу на насъ взяли, а другую хотить взять, а болѣ того, Государь, въ ней не писано ничего. А про турецкаго, Государь, про посла къ тебѣ, ко Государю, слуху нѣтъ, а турецкому, Государь, на се лѣто валка будетъ съ Кызылбашемъ, а самъ въ Ядренѣ-Полѣ турецкой, а Копыль зимо-валъ у него въ Ядренѣ, а во Святую гору пошелъ передъ великимъ днемъ, а турецкой ему далъ дву чегушовъ. Да отголѣ Копыль еще не бывалъ“²⁾. Это было въ 1517 году. Въ февралѣ же 1518 года Максимъ Грекъ съ Копыломъ и Варавинымъ уже вѣхалъ изъ Крыма въ Москву. Объ этомъ мы читаемъ въ грамотѣ московскаго посла, возвра-щавшагося изъ Крыма, Василия Шадрина: „Да вѣдетъ, Государь, со мной Копыль и Варавинъ, а съ ними, Государь, вѣдутъ митрополитъ самъ-другъ отъ патриарха изъ Царя-Города, да изъ твоего, Государь, монастыря отъ Пантелѣймона Святого вѣдетъ Сава проигуменъ, а изъ Вартопѣта, Государь, вѣдетъ къ тебѣ, Государю, Максимъ старецъ самъ-третей, а торговыхъ, Государь, людей вѣдетъ со мною съ Чарыгомъ Затрегубъ каинецъ. Да милосердіемъ Божиимъ да твоимъ Государскимъ здоровьемъ дойхали есмя до Сулы, далъ Богъ, поздорову. И отпустилъ есми, Государь, къ тебѣ, ко Государю, твоего казака Бай-Кулу Олѣорова и Аппакова челоуѣка Милкъ-Омова“³⁾. 4-го марта того же 1518 года Максимъ былъ уже въ Москвѣ: „приде къ Великому Князю Василю Ивановичю всеа Руси изъ Царя-Града, отъ вселенскаго патриарха Феодипта митрополитъ Григорей грекъ отъ града Жихна Цареградскія области; да съ нимъ вмѣстѣ прійдоша старцы отъ Святыя горы Аѳонскія къ Великому Князю Государю и къ перво-святителю Варлааму митрополиту всеа Руси бити челомъ Великому Государю о нищетѣ положенія, милостыни ради: отъ Благовѣщенъа пречистыа Богородица изъ Ватопеди монастыря три старцы: Максимъ грекъ, да Неофитъ священноинокъ грекъ, да Лаврентей болгаринъ; а отъ Святого великомученика Пантелѣймона изъ русскаго монастыря Сава преименитый игуменъ“. „А напередъ тѣхъ старцовъ за годъ пришелъ отъ четьредя-сиги мученикъ отъ Кеиропотамова монастыря Исаіа священноинокъ сербинъ; да съ митрополитомъ пришелъ патриархъ діаконъ Діонисей грекъ. Князь же Великій Василей Ивановичъ всеа Руси пріять митрополита Григорія и старцовъ Св. горы Аѳоня съ великою честью и велѣлъ имъ пребыти въ монастыри св. Архистратига Михаила честнаго и славнаго его чудеса, питаа ихъ и доволя всякими доволями потребами отъ своа царскія трапезы; такожде и первосвятитель Варлаамъ всеа Руси ко Григорію митрополиту града Жихна и къ старцамъ Св. горы великую любовь и честь показуаше и къ себѣ призываа и съ ними часто бесѣдовааше о божественныхъ словесѣхъ духов-ныхъ [П. С. Р. Л. т. VIII стр. 263, т. VI стр. 261. Никоновская лѣтопись ч. VI, стр. 212].

Радужное и благожелательное отношеніе къ Максиму Греку со стороны, какъ свѣтской, такъ и духовной власти продолжалось сравнительно недолгое время. Оно

¹⁾ *ibidem*.

²⁾ Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 4, лл. 312—358.

³⁾ Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 5, лл. 526 об.—548.

сбѣнилось сперва подозрѣніемъ, какъ мы выше уже говорили, а потомъ и открытымъ гоненіемъ. Эта перемѣна въ отношеніи была вызвана политической дѣятельностью Максима, которую русскіе люди не хотѣли, да и не могли понять, а тѣмъ менѣе сочувствовать ей.

Къ Максиму Греку, какъ извѣстно, было представлено опредѣленное обвиненіе въ недоброжелательныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Русскому государству. Эта сторона дѣятельности Максима въ Россіи оставалась до сихъ поръ плохо освѣщенной. Интересуясь политической дѣятельностью Максима, я въ своей работѣ имѣлъ въ виду слѣдующій вопросъ. Максимъ Грекъ, отстаивая въ Россіи интересы горячо любимой имъ Греціи, дѣйствовалъ ли въ однопочку, за свой страхъ и рискъ, увлекаемый своей страстной натурой, или же здѣсь былъ какой-то общій планъ дѣйствій грековъ, и Максимъ былъ только его исполнителемъ въ числѣ другихъ? Что касается самого Максима, то онъ дѣйствовалъ вполне сознательно и опредѣленно. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ изслѣдователей: „Мы видимъ, что когда Максимъ прибылъ въ Россію, то сталъ побуждать вел. князя свергнуть турецкое иго, тяготѣвшее надъ Греціей. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ вел. князю: „Буди намъ нѣкогда царствовать отъ печестивыхъ работы свободеннымъ тобой: вся бо возможна и удобъ совершаема всѣхъ Владыцъ, и якоже древле, отъ нижнихъ галловъ воздвигнувъ великаго въ царѣхъ Константина, древняго Рима, злѣ служима, избави отъ печестиваго Максентія, сѣце и нынѣ Новаго Рима, тяжкѣ волнуема отъ безбожныхъ Агаряпъ, благочестивѣйшею державою царствія твоего да изволишь свободити и отъ отеческихъ твоихъ престолъ наследника покажеши и свободы свѣтъ да даеши намъ бѣднымъ тобою милостію и щедротами Его“¹⁾. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Максимъ Грекъ систематически проводилъ въ Россіи идею освобожденія Греціи. Такъ, его слова противъ магометанской религии давали ему удобный поводъ представлять тѣ бѣдствія, какимы подвергались греки подъ властью турокъ, и пригвѣщенія церкви, чѣмъ онъ думалъ дѣйствовать на религиозное чувство русскихъ. Вел. князя онъ хотѣлъ побудить на освобожденіе Греціи обѣщаніемъ, что „Богъ грекамъ отъ отеческихъ его престолъ наследника покажеши“. Онъ говорилъ, что къ дѣламъ во славу Божию относится и „противоополченіе къ тицацимъ выну истребити божественную вѣру“. А когда ему не удалось его старанія, онъ обвинялъ русскихъ въ томъ, что они только „своихъ си ищутъ, а не яко вышняго“, и ставилъ имъ въ упоръ, что о церкви, „терзаемой измайлѣтинами, ни едино попеченіе есть“²⁾. Именно, подъ вліяніемъ несбывшихся надеждъ, написалъ онъ „Слово благовѣрнымъ“, въ которомъ уже высказываетъ полнѣйшую безуспѣшность своего дѣла: „Добро естъ и спасительно намъ, говорить въ немъ Максимъ, и Самому Вышнему благоугодно, отвергшимъ намъ отъ мыслей нашихъ всякія слабости, душегубительно отчаяніе, и напаче прельщающія насъ надежды суетныя, яко паки чаемъ, якоже и прежде,—устроится держава царская въ Константинѣ Градѣ,—возстати намъ отъ многолѣтняго сна премногаго нашего безначалія и небреженія, повинующимся проповѣднику глаголющему: „Брагіе, во всякой премудрости ходите ко вышнимъ, время покупующе, понеже днѣ лукави суть“ (Ефес. 5, 15). Максимъ подсмѣивался надъ грубостью вел. князя и въ самыхъ бѣдствіяхъ Греціи видѣлъ предвѣщанія послѣдняго времени“³⁾. Изъ того, что Максимъ постоянно обращался къ вел. князю, видно, какимы

¹⁾ Максимъ Грекъ соч., Прав. Соб. 1861 Авг. 318.

²⁾ Соч. Максима Грека. 1889 г., слово VII

³⁾ Соч. Максима. 1889. Июнь, 143.

путемъ вель онъ свое дѣло, старанія о которомъ онъ, конечно, проявлялъ не въ однихъ только сочиненіяхъ¹⁾).

Максиму говорили на соборѣ, обвиняя его: „Да ты же, Максимъ, говорилъ многимъ здѣсь на Москвѣ: великому князю и митрополиту кличуть многолѣтіе и еретиковъ проклинаятъ, занеже творять ни по писаніямъ, ни по правиламъ, (а патриарха не поминають), а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царь-Градѣ отъ патриарха“. На соборѣ 1531-го года самъ Максимъ говорилъ: „Дознавался я, почему не ставятся митрополиты русскіе по прежнему и по старому обычаю въ Константинополь, и мнѣ сказали, что патриархъ Константинопольскій далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископы, и я много добивался видѣть эту грамоту, но до сихъ поръ не видалъ ея“. Такимъ образомъ, Максимъ является явнымъ посетелемъ и выразителемъ у насъ на Руси греческой идеи.

Зная хорошо Максима, мы, конечно, нисколько этому не удивимся. Мы остановимся поэтому на другомъ: на реальной сторонѣ дѣла. Вѣдь, одинъ въ полѣ не вошь. Такъ, именно, представляетъ себѣ положеніе вещей, при изученіи дѣятельности Максима въ Россіи, историкъ церкви, профессоръ Голубинскій. Приведа обвиненіе, выставленное противъ Максима на соборѣ, въ коемъ говорилось, что „Максимъ и его сообщникъ Савва (архимандритъ Новоспасскій, который былъ родомъ также грекъ) вмѣсто добра умыслили и совѣщали зло великому князю: посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому турецкому султану, поднимая султана на Государя; да они же говорили: „Великій князь ведетъ войну противъ Казани, но не придется ему выдѣть ея, потому что для турецкаго султана срамъ будетъ терпѣть это“²⁾),—онъ замѣчаетъ: „Обвиненіе противъ Максима съ Саввой, будто они посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому султану, поднимая султана на великаго князя, не только представляетъ „pendant“ къ обвиненію Максима въ ереси, но нѣчто и еще гораздо болѣе удивительное и въ своемъ родѣ совершенное. Два греческіе монаха, живущіе въ Москвѣ, замѣчаютъ такое дѣло, какъ посредствомъ своихъ писемъ къ пашамъ и султану возбудить послѣдняго къ войнѣ противъ великаго князя“ похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вѣроятное? И для чего монахи пожелали бы возбудить султана къ войнѣ?“

На это мы, во-первыхъ, замѣтимъ, что прямой интересъ грековъ могъ ихъ побудить сдѣлать это—отыскивать Султану враговъ, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе добиться осуществленія завѣтной мечты: освобожденія Греціи отъ турецкаго ига.

Во-вторыхъ, мы постараемся разслѣдовать, дѣйствительно ли Максимъ дѣйствовалъ, по приѣздѣ въ Россію, самъ-другъ только. Тотъ же Голубинскій приходитъ къ заключенію, что греки, жившіе въ Россіи до Максима, дѣйствовали въ томъ же направленіи. „Не особенно задолго до приѣзда въ Россію Максима, говоритъ онъ, нѣкоторые греки, оставшіеся при великомъ князѣ послѣ его матери Софій Фоминишны, сдѣлали открытіе, что славянскія богослужебныя книги исполнены еретическихъ погрѣшностей, о каковомъ открытіи и довели до свѣдѣнія Государя. Василій Ивановичъ вовсе не могъ допустить мысли, чтобы наши книги были исполнены погрѣшностей еретическихъ, ибо, во-первыхъ, по его представленію, какъ и всѣхъ тогдашнихъ русскихъ, нужно было бы въ семь случаевъ допустить, что наши чудотворцы, которые употребляли эти книги, не суть чудотворцы; во-вторыхъ, тогда у насъ обратилось въ твердый цер-

¹⁾ Иконониковъ.

²⁾ Голубинскій, 715.